

1893-2-29

233

ЗНАЧЕНИЕ
ЛИТОВСКАГО ЯЗЫКА
ВЪ ВОПРОСЪ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУСИ.

Сообщение IX Археологическому съезду
иlena З. А. Ляцкаго.

ПОНЕВЪЖЬ
въ типографіи Н. ФЕЙГЕНЗОНА
1893 Г.

Дозволено цензурою 19 Мая 1893 г. Вильна.

A 4532

Значеніе литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси.

Норманская теорія о происхожденіи Руси отъ нормановъ изъ Скандинавіи основываетъ свои выводы, во-первыхъ, на русскихъ названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ, записанныхъ Константиномъ Багрянороднымъ, во вторыхъ, на названіяхъ: варягъ, руссъ, Рюрикъ, Труворъ и другихъ прозвищахъ князей и пословъ, и въ-третьихъ, на лѣтописи Нестора и преимущественно на выраженіяхъ въ ней: „идоша за море къ Варягомъ, къ Руси“, „послана за море по Варяги.“

Ложность ученія объ иноземномъ происхожденіи Руси понимали многіе русскіе люди, начиная съ Ломоносова; но, не зная литовскаго языка, они не могли понимать древне-русскаго языка того времени, когда названы, напр., днѣпровскіе пороги, а потому и не могли основательно опровергнуть ученія норманистовъ. Вотъ почему я, преподаватель Жмудскаго языка въ Поневѣжской Учительской Семинаріи, считаю своимъ долгомъ выступить на помощь имъ и показать въ филологическомъ отношеніи всю ложность ученія о скандинавскомъ происхожденіи Руси.

621843

Рускія названія днѣпровскихъ пороговъ, записанныя Константиномъ Багрянороднымъ около 950 года, съ параллельными имъ славянскими названіями и поясненіемъ, что они значатъ, считаются сторонниками нѣмецкаго происхожденія Руси не сокрушимымъ историческимъ памятникомъ, созданнымъ основателями Русского Государства на Днѣпрѣ и свидѣтельствующимъ, что Варяги-Русы были нѣмцы. Такъ какъ рускія названія 7 днѣпровскихъ пороговъ служать и самимъ лучшимъ доказательствомъ общности литовскаго и древне-русскаго языка по всей Руси; то я подробнѣе коснусь этихъ пороговъ и тѣхъ объясненій норманистовъ, которые служили историкамъ основаніемъ учить русскую молодежь, что предки Руси и основатели Русского Государства были нѣмцы-скандинавы. Пять пороговъ имѣютъ и славянскія названія. Данныя Константиномъ поясненія названій пороговъ, какъ видно, касаются почти исключительно славянскихъ названій. Эти поясненія, какъ второстепенный предметъ въ разсказѣ, самимъ Константиномъ признаются не вполнѣ точными, что можно заключить изъ выраженій его: „что по-славянски толкуется“. Эти поясненія своею неопределенностью показываютъ, что греку миссионеру, который сообщилъ Императору названія пороговъ, значеніе и славянскихъ названій было не вполнѣ известно. А между тѣмъ пороги

Эти по-русски точно сегодня названы литовцами. Названія эти показываютъ значительное умственное развитіе русскаго народа, ихъ назвавшаго. Для болѣе точнаго сужденія о названіяхъ пороговъ, сдѣлаемъ выпись изъ той части статьи профессора Миллера, напечатанной въ Трудахъ за 1885 годъ Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества: „Названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго“, гдѣ помѣщенъ, очевидно, переводъ съ греческаго повѣстованія Константина о порогахъ „Русскія суда, говоритъ Константинъ, прибывающія въ Царьградъ, отиравляются изъ Немогарды (въ выносѣ—„Новгорода“), гдѣ правилъ Сфендосфлавъ (Святославъ) сынъ Ингора, русскаго князя. Есть также суда изъ Милиниска (Смоленска), изъ Теліутзы (Чернигова), Тзернигога и Вусеграда (Вышеграда). Всѣ они спускаются по Днѣпру и собираются у города Кіоава (Кіева), называемаго также Замватасъ. Славяне же, ихъ данники (пактіотай), по моему же переводу пакторы, т. е. берущіе товаръ по разъ опредѣленной цѣнѣ) такъ называемые Кривитайной (Кривичи) и Ленкзаниной, и остальные славяне въ зимнее время рубятъ ладьи въ своихъ лѣсахъ и, придавъ имъ надлежашій видъ, сгоняютъ ихъ въ сосѣднія болота, когда снѣгъ распустится. Затѣмъ они спускаютъ ихъ въ рѣку Днѣпръ, которымъ они идутъ до Кіева, гдѣ ихъ вытаскиваютъ и продаютъ русскимъ.

Накупивъ у славянъ ладей, а старыя употребивъ на разныя подѣлки, русскіе въ іюнѣ отправляются внизъ по Днѣпру къ Ветечеви (Витичеву), городу платящему имъ дань. Здѣсь они поджидаютъ 2 или 3 дня, пока подойдутъ всѣ лады, и затѣмъ продолжаютъ плыть внизъ по Днѣпру и приходятъ къ первому порогу, называемому „Есупи,“ что по-русски и по-славянски значить „не спать,“ ибо этотъ порогъ такъ узокъ, что шириною съ „чоканистиріонъ“ (здание въ Константинополѣ), въ серединѣ же находятся крутыя, высокія скалы, имѣющія видъ острововъ; около нихъ разбивается и крутится вода съ великимъ шумомъ, нагоняющимъ страхъ.

Второй порогъ, къ которому приходятъ они, обогнувъ первый, называется по-русски „Оулворси“, а по-славянски „Остревунипрахъ“, что значитъ островъ порога. Онъ похожъ на первый и представляетъ таکія же препятствія. Высадивъ людей изъ ладей, они обходятъ его какъ и предъидущій, и точно также минуютъ затѣмъ третій порогъ, называемый Геландри, что по-славянски толкуется „шумъ порога“. Таکимъ же способомъ обходятъ они и четвертый, большой порогъ, называемый по-русски „Аейфаръ“, а по-славянски „Неасыть“, такъ какъ въ утесахъ его гнѣздятся пеликаны. Прибывъ къ пятому порогу, который по-русски называется „Варуфоросъ,“ а по-славянски „Вул-

нипрахъ,” такъ какъ онъ образуетъ широкій разливъ (заводье), они подгоняютъ лады къ берегу, какъ дѣлаютъ у первого и второго порога, и затѣмъ приходятъ къ шестому, называемому по-русски „Леанти,” по славянски „Веруци,” т. е. кипѣніе воды, и такимъ же способомъ минуютъ и этотъ. Отъ него они идутъ къ седьмому, называемому по-русски „Струвунъ,” по-славянски „Напрези,” что толкуется „малый порогъ”.

Прежде всего норманисты колеблютъ вѣру въ правильную запись названій пороговъ Константиномъ Багрянороднымъ переводомъ названій Немогардъ — Новгородъ, Милинискъ — Смоленскъ, Теліутзы — Черниговъ; за тѣмъ какъ бы указываютъ на искаженія Вышеграда въ Вусеградъ, Кіева въ Кіоава, Кривичи — въ Кривитайной, а искаженного названія Ленкзаний и понять нельзя. Поэтому они пользуются правомъ дѣлать въ названіяхъ пороговъ самыя невозможныя измѣненія и поправки, чтобы объяснить названія ихъ „только изъ древне-нордского (Скандинавскаго) языка“. Но на какомъ основаніи Немогардъ переводится „Новгородъ“? Немогардъ, какъ и Миглагардъ (Туманъ городъ — прозвище Царьгрида) есть сложное название, состоящее изъ Немо и гардъ. Немо, безъ сомнѣнія, есть такое же сокращеніе Немана (Нѣмана), какъ въ словѣ Самоѣдъ, слово Само есть сокращеніе слова самонась — мохъ. Гардъ

Несть одно изъ двухъ сокращеній древне-русскаго, а нынѣ литовскаго слова гарадасъ, съ русскимъ усъченіемъ — гарадъ — городъ: градъ и гардъ. Слово гарадасъ происходитъ отъ литовскаго глагола гарадити — городить и притомъ городить стоймя. Гарадасъ лежмя называется политовски „заматасъ“; въ русскомъ языке сохранилось слово „замятина“. Въ названіи Кіева „Замватасъ“ у слитнаго звука *уа* перешло въ *в*, какъ въ словахъ: охота — аквата, въ словѣ мята въ славянскомъ мятва, въ словѣ литуасъ — дождь — Литва. Если греку приходилось записать имя Святослава, произносимое какъ нынѣ литовцами „Швентошлавъ“, то шипящій звукъ *ш* онъ довольно правильно замѣнилъ *сф*. Звукъ *и* въ имени Ингоръ навѣрно существовалъ въ старину. Милинискъ есть Минскъ, а не Смоленскъ; народъ сократилъ это длинное название города, получившаго свое название отъ „милинисъ“ — черника, которой въ лѣсахъ около Минска, какъ зоветъ его народъ и до сихъ поръ, громадное обиліе. Отъ этой же ягоды и Черниговъ получилъ свое название. Окончаніе *искъ* въ словѣ Милинискъ тоже, что и въ словѣ „словенескъ“ — словянскій. Исказить название Черниговъ въ Теліутзы Константинъ не могъ. Въ названіи „Вусеградъ“ тоже нѣть искаженія, такъ какъ въ старину *у* господствовало: сунасъ — сынъ, сурасъ — сыръ, бути — быть. Въ названіи Кривитайной нѣть

искаженія; кривасъ есть кіевское видоизмѣненіе слова кровъ — верхъ, кровля (какъ стилъ — столъ, пиль — полъ, бикъ — бокъ, силь — соль, свіл — своя и т. п.) Кривичи жили по верховьямъ рѣкъ, а потому они, какъ москвитяне, или москвики, и назывались Кривитяне и Кривичи; окончаніе же айной есть древне — русское или нынѣ литовское, а потому Кривичи иначе могли бы называться Верховниками. Криво — Кривейто значитъ Верховный Верховныхъ, а Кривой городъ въ Вильнѣ есть часть, расположенная на горѣ. — Ленкзайной — нынѣшніе „ленки“ т. е. поляки. — Слѣдовательно нѣтъ основанія допускать искаженія Константиномъ названій и днѣпровскихъ пороговъ.

Первый порогъ „Есупи“, что значить „не спать“. Такое объясненіе миссионеръ грекъ далъ Императору на основаніи сходства звуковъ „Есупи“ и „не спи“.

По объясненію норманистовъ это есть искаженное русское „Нейсупи“ или ei sof, а пропущенное словянское „неспи“.

Отъ Налангена до Днѣпра слово есупи или осупи, составляющее коренное достояніе литовского и древне — русского языка, всюду известно и означаетъ осупъ, т. е. осыпь („алмазной сыплется горой“ Иматра, Державинъ) „Осупи“ находится въ Поневѣжскомъ уѣздѣ въ Смильговской волости. „Осупи“ находится и въ Виленской губерніи. Въ сообщеніи

Г. Шукевича объ археологическихъ мѣстностяхъ въ Лидскомъ и Трокскомъ уѣздахъ упоминается въ числѣ другихъ деревень, расположенныхъ по берегамъ рѣки Улы, деревня Поосупи, т. е. деревня, расположенная по Осупи. Далѣе въ томъ же сообщеніи упоминается „Пилекальница“ (т. е. насыпной холмъ) близъ фольварка „Чепелуны (че-здѣсь, пелунсъ—полынь), который лежитъ на правомъ берегу рѣчки *Осупки*. Слѣд. Есупи или Осупи есть русско—словянское, а не скандинавское название.

Второй порогъ— „Уолворси“ по-русски и „Остравунипрахъ“ по—славянски. По объясненію Константина— „Островъ порога“. По объясненію норманистовъ, русское название „Уолворси“ есть искаженное нѣмецкое „Гольмфорсъ“, т. е. островъ порогъ. Славянское название „Остравунипрахъ“— „островній прагъ“. Эти объясненія уже по одному тому не вѣрны, что всѣ они безсмысленны; очевидно грекъ миссионеръ, зная изъ словаря „островъ“ и „прахъ“ и не понимая, что значитъ „Остравунипрахъ“, перевелъ Константину „Островъ порога“. Норманисты, придерживаясь этого перевода и считая славянскія названія переводомъ русскихъ, островъ превратили въ *гольмъ* и принялись этотъ холмъ раскапывать, бередить внутри, подкапываться подъ основаніе, чтобы изъ Гольмфорса получить Уолворси. Переводъ Немогарда въ Новгородъ облегчаетъ

имъ работу. Но никакихъ острововъ у второго порога нѣтъ: они встречаются только въ пятомъ порогѣ. Значитъ, замѣчаетъ г. Миллеръ: „если мы спросимъ, какому современному названію соотвѣтствуетъ второй порогъ Константина, то должны будемъ снова сознаться, что здѣсь что-то напутано, потому что ни одинъ изъ трехъ первыхъ пороговъ не могъ бы быть названъ островнымъ“.

Здѣсь напутали сами объяснители названій порога: ни „Остравунипрахъ“, ни „Уолворси“ не означаютъ „островъ порога“. Остравунипрахъ значитъ порогъ производитель острововъ. Производитель крика-крикунъ, вранья-врунъ. И въ старину тому же закону слѣдовалъ русскій языкъ: отъ глагола *перети*, сохранившагося до сихъ поръ у литовцевъ со значеніемъ создавать, творить, въ частности—высиживать птенцовъ изъ яицъ, происходитъ Перунъ—творецъ всего, въ томъ числѣ грома и молніи, твореніе которыхъ совершается каждый годъ. У литовцевъ существуютъ и Перунъ и Перкунъ. Послѣднее название „Сатвароса“ означаетъ творца тѣлъ, или живыхъ тварей, называемыхъ кунами.—Слово куна—особь, тѣло, есть русское, замѣненное нынѣ отчасти нѣмецкимъ—„штука“ („и начаша брати скотъ отъ мужа по четыре куны“). Изъ „Перунасъ“ и „кунасъ“ составляется литовскій „Перкунасъ“, какъ изъ дивасъ—диво и дарисъ—дѣй получается „див-

дарисъ “—чудодѣй, изъ саманасъ—мохъ и гитисъ—пастухъ—самогить, т. е. по мху пасущій. Такимъ образомъ изъ древне—русскихъ, а нынѣ литовскихъ „уоласть“—скала и „версисъ“—вержецъ вышло Уолверисъ, или сокращенно Уолверси—Скаловержецъ, онъ же и „Остравунипрахъ“, т. е. производитель изъ сбрасываемыхъ имъ камней цѣлыхъ острювъ въ пятомъ порогѣ. Обращеніе І. Христа къ Петру: „ты еси камень“ переведено по-жмудски: „ту эси уоласъ“. Слитный звукъ въ словѣ уоласъ, распадаясь на чистыя гласные, въ разныхъ нарѣчіяхъ литовского языка даетъ названія скалъ *уласъ, оласъ* и *аласъ*. Это послѣднее название скалы дало название горной возвышенности „Алаунской“. Народъ, жившій по алаунской возвышенности, назывался Аланами. Слово *оласъ* древне-русское, встречающееся въ лѣтописи Нестора: „и убиша Аскольда и Дира и несона на гору и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветъ Угорьское, кѣдѣ ольминъ дворъ“. Въ Ип. и Хл. сказано было: „на той могилѣ поставилъ бажницю“, затѣмъ въ Ип. слово „бажницю“ зачеркнуто и сверху надписано: „олма церковь“. Здѣсь олма церковь значить каменная церковь.

Итакъ Уолворси есть старинное, доисторическое русское, а не нѣмецкое название порога. Порогъ Есупи ударами льдинъ и воды о дно второго парога отрывается, отгрызается:

„конда“ камни, которые Скаловержецъ и сбрасываетъ въ третій порогъ. Отъ этого первый порогъ до сихъ поръ зовется „кодакъ“, изъ которого юсовое и современемъ выпало.

Если г. Миллеръ, на основаніи выраженія Константина: „что по-русски и по-славянски значить „не спать“, считаетъ Есупи русскимъ и славянскимъ названіемъ первого порога; то, на основаніи выраженія: „и точно также минуютъ затѣмъ третій порогъ, называемый Геландри, что по-славянски толкуется „шумъ порога“, долженъ быть порогъ этотъ помѣстить въ числѣ славянскихъ названій пороговъ А между тѣмъ онъ, ссылаясь на это же выраженіе Константина, говоритъ: „что Геландри не славянское, а русское, т. е. древне—сѣверное, это совершенно ясно изъ текста у Константина, и уже потому, не говоря о другихъ причинахъ, напрасны старанія Д. И. Иловайскаго сдѣлать это название славянскимъ. Ни подъемъ (anlaut) слова, ни группа согласныхъ не похожи на славянскіе. Въ славянскомъ нѣть словъ, начинающихся съ *ie*, потому что по славянской фонетикѣ *e* не можетъ стоять послѣ *i*, не смягчая его въ *ж*; эта черта характеризуетъ др.-слав. языкъ въ отличіе отъ близко родственного ему литовскаго. На этотъ выводъ г. Миллера бѣлорусъ отвѣтилъ-бы ему: „*гето*“, можетъ быть, и правда относительно др.-славянскаго языка, но у насъ есть глаголъ ман-

дравать съ тою же группой согласныхъ: „отъ Кieва до Узень мандравали цѣлы дзень“.

Другіе норманисты и съ ними Погодинъ („О происхожденіи Руси“), утверждая, что Геландри русское, а не славянское название порога, говорятъ, что переписчикъ рукописи Императора Константина пропустилъ название славянское, потому что русское и славянское название могли оканчиваться однѣми и тѣми же буквами. Причисливъ такимъ образомъ это славянское название къ русскимъ, они говорятъ, что оно: „очень легко объясняется изъ языковъ Варяжскихъ: звучать на Anglo-Саксонскомъ-gialla, на исландскомъ-galen, шведскомъ-gialla или gaella, ниже-саксонскомъ-gillen, высоко-немецкомъ-gellen; въ причастіи сіи глаголы почти одинаковы^{ны} съ Геландри, напр. по-исландски giallandi и giallandri, и высокое немецкое der gellende. Замѣчательно, что сей порогъ до сихъ поръ называютъ у насъ звонскимъ, звонцікимъ, звонцемъ. Вотъ пропущенное константиномъ славянское название!“ Погодинъ. Г. Миллеръ ищетъ объясненія Геландри въ древне-сѣверномъ языке. „Здѣсь мы немедленно находимъ глаголъ gella, означающій шумѣть, звучать (нем. gellen). Отъ этого причастіе настоящаго времени будетъ gellandi, звенящій, что весьма близко къ Геландри. Для объясненія небольшого несоответствія въ звукахъ, именно вставки *r*, можно предположить, или, что слово

нѣсколько эллизировано: записывателю могло послышаться знакомое греку андри (отъ аниръ мужъ), или что *r* было и въ нордскомъ словѣ: въ такомъ случаѣ это сравнительная степень, и Геландри соотвѣтствовалъ бы нынѣшнему нѣмецкому *der gellandere*“. Вотъ какъ объясняютъ норманисты самый надежный свой порогъ, о причисленіи котораго къ русскимъ порогамъ они такъ хлопотали!

Порогъ этотъ имѣеть дѣйствительно русское название, но не нѣмецкое. У литовцевъ есть глаголъ „геляндроти“, т. е. сокращеніе „гелендароти“—голосъ дѣлать. „Геленъ“ есть винительный падежъ отъ древне-русскаго слова гелесь, т. е. голосъ (*e=o*), а „дароти“ есть многократный видъ отъ глагола дарити—дѣлать (дарба—работа). Вотъ откуда появляется вставка звука *r*. Геляндроти нынѣ у литовцевъ означаетъ шумѣть, звучать, пѣть безъ словъ: „Вайкщёя поняла па жалюсь гоялюсь, гражей геландрава, ринкдама кветкалюсь. Пасакиекъ паняла, кодъ тэйпъ гелендрои, кодъ эйшкейсъ жодялейсь не юести по гои?“ Гуляла барышня въ зеленомъ гаю, красиво распѣвала, собирая цвѣтки.... Скажи барышня, почему такъ геляндумешь, почему ясными словами не поешь въ гаю? „Ой чи чувъ, ой чи бачивъ, якъ чортъ жида окульбачивъ? Ой чи жартомъ, ой чи смѣхомъ, окульбачивъ, да и побѣхавъ! Ой жидъ плача, ламентуя, а жидоука гелендумя“. Слыхалъ ли,

видаль ли, какъ чертъ жида осѣдалъ. Шуткой ли, смѣхомъ ли—осѣдалъ да и поѣхалъ, а жидъ плачетъ, бѣдуетъ, а жидовка голоситъ. Другая бѣлорусская пѣсня оканчивается словами: „мужикъ ската, геляндруя, жонка плача, ламентуя“. „Напѣтца пьяны и такъ геляндруе, ажъ домъ дрижицъ“. Бѣлоруссы геляндруютъ въ Минской губерніи, частью въ Гродненской; а на границѣ Могилевской и Черниговской отъ глагола гелендровать существуетъ прозвище буяну „геляндрикъ“, которое по-скифски было бы геляндрись, потому что *κ=x=c*. Почему же русскіе—славяне назвали третій порогъ Геляндрикомъ, или звонцемъ? А потому что, камни, отгрызаемые первымъ порогомъ „Кодакомъ“ отъ стѣнъ и дна второго порога, этимъ порогомъ, Скаловержцемъ, сбрасываются въ третій порогъ, причемъ камни эти, ударяя о скалистое дно третьяго порога, производятъ звуки въ этомъ порогѣ, отчего третій порогъ „геляндруецъ“ или „звоницъ“ и прозванъ „геляндри“ или „звонецъ“.

Хотя нынѣ Звонецъ не третій, а четвертый по счету порогъ, но Сурскій пэрогъ, имѣющій всего три фути паденія, при большей водѣ въ Днѣпрѣ, покрывался водою, и, слѣдовательно, во времена Константина Багрянороднаго не существовалъ.

Четвертый порогъ „Аейфаръ“—по-русски, „Неасыть“ по-славянски, „такъ какъ въ утесахъ

его гнѣздятся пеликаны“ . Здесь опять догадка миссіонера о неясности, на основании того, что въ библіи пеликанъ нѣсколько разъ называется неясностью . Здесь норманисты въ затрудненіи: пеликаны не известны жителямъ сѣвера . Но есть птица гага, говорятъ они, по образу жизни похожая на пеликана и называемая по древне-нордски *аедрѣ*, во мн. ч. *аедарѣ*. „Изъ этой формы, думаемъ мы, пишетъ г. Миллеръ, произошла греческая Аейфаръ . Звукъ *ð* соответствовалъ современному английскому *th*, очень неизвестному спиранту, который производится иностранцами то какъ *z*, то какъ *ф*. Подобно тому, какъ русскіе изъ греческаго *θ* сдѣлали фиту, т. е. *ф* и Константинъ выразилъ нордское *ð* чрезъ *ф*.“ Лербергъ указывалъ на исландское *aefr*—жгучій, кипящій, на датское *iver*, шведское *ifwer*, на нижне—саксонское *efern*—пожирать, кусать, и т. д. Тунманъ во второй половинѣ слова искалъ *fors*. Итакъ „Аейфаръ“ не имѣть у норманистовъ объясненія, такъ какъ *ð* съ *ф* не возможно смѣшать, что допускаетъ г. Миллеръ . Можно смѣшать *n* съ *ф*, какъ созвучныя, и написать форосъ вмѣсто порось . Допуская такую замѣну, найдемъ, что фаросъ, или сокращенно фаръ, есть порохъ или сокращенно прахъ—прагъ, потому что *c=x=i*. Итакъ четвертый водопадъ есть порогъ . Какой же это порогъ? Это—Аей порогъ . Удивительный порогъ! Это самый боль-

шой порогъ. Это—неясить! Эта характеристика 4-го порога и стала первой половиной его названія: „Аейфаръ“! Говорить же и нынѣ русскій народъ: „Аей порогъ“! Литовское сопти и русское сытить—понятны. Осытить, или въ произношеніи асытить, какъ кружить и окружить, колотить и околотить, значить насытить; „неасытъ“ же, какъ и геландри, записанное у Константина, и славянское „неясыть“ означаетъ вообще ненасытную тварь, будь она порогъ, пеликанъ, коршунъ или воронъ. „Уподобихся неясыти пустиннѣй, быхъ яко нощный вранъ на нырищи“.

Пятый порогъ—по-русски „Варуфоросъ“, по-славянски „Вулнипрахъ“,—такъ какъ онъ образуетъ широкій разливъ, по объясненію Константина. По объясненію норманистовъ, название Вулнипрахъ происходитъ отъ слова волна; русское же название происходитъ отъ слова *барð* на исландскомъ языкѣ, *баре*—на саксонскомъ; въ словѣ фаросъ признаютъ *fors*—водопадъ. Тунманъ переводилъ Варуфоросъ—вольный прахъ отъ исландского слова *varð*—тихій или озеро—порогъ. Г. Миллеръ находитъ полное соответствие русскаго съ славянскимъ названіемъ: „порогъ отличался отъ другихъ шириною русла рѣки, и былъ по этому названъ Варягами Варуфоросъ. По древне-сѣверному Баруфоросъ значитъ волнистый порогъ, отъ бара—волна и *fors*—водопадъ, порогъ. Вторую половину

слова постигла въ греческой передачѣ иная судьба, нежели въ holmfors (улворси), но въ тождествѣ обоихъ словъ нельзя сомнѣваться, потому что и въ славянскихъ пазваніяхъ въ обоихъ случаяхъ является прагъ: островный прагъ, волній прагъ“. Затѣмъ г. Миллеръ объясняетъ неточность передачи и возможныя предположенія: „Константинъ ослышался“. „Намъ кажется вѣроятнѣе другое объясненіе: Константинъ смѣшалъ название 5-го порога съ другимъ, который еще теперь зовется Вольнымъ (или по южно-русскому Вильный): это девятый порогъ по современному описанію“. Миссіонеръ, не зная, что значитъ Вулнипрахъ, по нѣкоторому сходству звуковъ перевелъ вольный порогъ, т. е. свободный и объяснилъ: „такъ какъ онъ образуетъ широкій разливъ“. А между тѣмъ этотъ порогъ имѣеть всего 150 саж. ширины, тогда какъ предыдущій Аейфаръ имѣеть 463 саж. Что греки часто ошибочно понимали русскія названія, доказываютъ Аrimаспы и Андрофаги, которыми они населяли Скифію. Аrimаспъ, т. е. одноглазый, безъ сомнѣнія, есть переводъ названія кривичъ, принятаго не въ смыслѣ верховника, а кривого, т. е. одноглазаго человѣка. Самоѣдъ, т. е. живущій мохомъ посредствомъ оленей, переведенъ ими въ Антрофага.

Итакъ норманисты недоумѣваютъ, что лежитъ въ основаніи названія Вулнипраха — вол-

на, или воля — свобода.

Основаниемъ 5-му порогу служать валуны или вулуни, т. е. тѣ камни, которые сбрасываетъ Скаловержецъ, камни, которые производятъ звонъ въ третьемъ порогѣ и которые, катясь и округляясь въ Аейфарѣ, обращаются въ валуны, образующіе цѣлые острова въ пятомъ порогѣ. Это Валунный порогъ — Валунякъ, или, по старинному, „Вулнегъ“, подъ которыми онъ и до сихъ поръ извѣстенъ.

Русское название этого порога состоитъ также изъ двухъ словъ: вару и форось. Первое слово „вару“, какъ оканчивающееся въ родительномъ падежѣ мн. ч. на *у*, показываетъ, что именительный падежъ его будетъ *варасъ*, въ усѣченной литовской формѣ *варсъ*, а съ полнымъ русскимъ усѣченiemъ — *варъ*. Что же такое варъ? Такъ какъ *варасъ* происходитъ отъ литовско-славянского глагола варити — гнать, то варасъ, какъ оканчивающееся на *асъ*, а не на *исъ*, будетъ продуктъ гонки.

По — славянски варъ имѣлъ именно это значение: о Петрѣ Iис. Христосѣ сказалъ: „ты еси варъ Іонинъ“, т. е. вылитый отецъ. Слѣд. Варуфорось, или правильнѣе, Варупорось, означаетъ порогъ наносовъ, т. е. Вулнипрахъ, котораго, такимъ образомъ, нѣть надобности смѣшивать съ послѣднимъ порогомъ Вильнымъ, который въ описаніи 1697 года не правильно передѣланъ въ вольный. По описанію 1846 года

онъ называется „Вильный“. Г. Миллеръ думаетъ, что Вольный и Вильный на основаніи перехода *и* въ *о* означаетъ одно и то же, но и въ этомъ онъ ошибается.

Шестой порогъ „Леанти“—по-русски, „Веруци“ и по другой рукописи „Веронци“—по-славянски,—что значитъ: „Кип'ніе жидкости“. Очевидно, что „кип'ніе жидкости“ не есть переводъ названія порога, а толкованіе. Норманисты для объясненія русскаго названія этого порога опять ищутъ во всѣхъ странахъ, кроме России, и во всѣхъ языкахъ, кроме русскаго, похожихъ словъ: „приставать къ берегу по Anglo-Saxonски-land, по-шведски-laenda, по-датски-lande, по-нижне-саксонски belanden, по голландски landen, на древне-Аллеманскомъ—lenten; но утомленные искали подкрѣпленія: для сего требовалась горячая пища и островъ содѣлался *варищею=веруци=веронци*. Сему соотвѣтствуетъ греческое объясненіе „кип'ніе жидкости“. Погодинъ, 67 стр.. Тунманъ отъ объясненія Леанти отказался. „Струбе искалъ въ кельтскомъ, ирландскомъ и финскомъ языкахъ слова, означающаго пучину или кип'ніе и сходнаго звукомъ съ Леанти, и нашелъ только lan, lain или lein, что значитъ течь съ нѣкоторою силой; по-исландски leine кипятокъ, по-фински-laine-волны. Словянское же веруци переводить „вертящейся“. Погодинъ. Г. Миллеръ, „перебравъ много древне-сѣверныхъ

словъ“, остановился на глаголѣ смыться — *hlaeja*; „отъ него причастіе настоящаго времени будеть *hlaendi* — смыющійся“

„Леанти“, какъ и „Веруци“, есть причастіе дѣйств. залога отъ древне-русскихъ, а нынѣ литовскихъ глаголовъ *лєти* — лить и верити — варить, кипятить.

Дѣепричастія отъ этихъ глаголовъ будуть (*ти* неопределеннаго наклоненія замѣнить окончаніемъ *ентѣ*, *янтѣ*, или *онтѣ*, смотря по нарѣчіямъ) *леантѣ* или леяпть (срав. неасыть и неясыть) и *веронтѣ*, или *веронтѣ* — лья и кипятя. Причастія дѣйс. зал. образуются прибавленіемъ къ дѣепричастіямъ окончанія дѣйствующихъ лицъ *исъ*, и получается леантись-льющій и веронтись — кипѣтящій. Вотъ откуда, съ помощью лексикона, и появилось „кипѣніе жидкости.“ Но *т* предъ мягкими гласными смягчается у литовцевъ въ *ч*, а у белоруссовъ въ *ч* (Катерина — Кацярина). По этому у литовцевъ теперь льющій — леянчись, а у белоруссовъ кипящій — „веронци“. При опусканіи, какъ и нынѣ практикуется въ литовскомъ языке, юсового *и*, предшествуемаго слитнымъ звукомъ (оау), распадающимся на чистыя гласные *a*, *o* и *u*, получается „Веруци“. Этотъ порогъ соответствуетъ нынѣшнему Будиловскому. Отъ убыли воды въ Днѣпрѣ появился „лишній“ порогъ, несуществовавшій во времена Константина.

Седьмой порогъ — „Струвунъ“-по-русски, „Напрези“ — по-славянски. „Малый порогъ“ — по объясненію Константина. По объясненію норманистовъ, „Напрези“ значитъ напрягай или набrezъ. Буна на исландскомъ языкѣ — столбъ, бревно; высоко — нѣмецкомъ Bühne — доска; Нижне — саксонское Bine — бревенчатая обѣлка берега, чтобы не осыпался. „Далѣе стру надобно перемѣнить въ стронѣ или строндѣ, что значитъ на всѣхъ норманскихъ и нѣмецкихъ парѣчіяхъ берегъ. Итакъ, русское strondbun, забора на берегѣ = славянское на брезѣ = Конст. малый порогъ“. Тунманъ въ буна видѣлъ водопадъ, а о стру умолчалъ. („Происхожденіе Руси“. Погодинъ.) Г. Миллеръ сознается, что: „всего болѣе трудностей представляеть название послѣдняго порога: въ именахъ предшествовавшихъ вездѣ можно было найти какую нибудь точку опоры — или въ ясности славянского имени, или въ греческомъ переводѣ, или наконецъ въ описаніи свойствъ. Здѣсь не знаешь, что менѣе неясно“. Затѣмъ гадательно предполагаетъ о Напрезѣ, что и другіе норманисты. Относительно Струвуна указываетъ на слова straum um (нѣм. strom), здѣсь Немогардъ опять помогаетъ, но составленіе струвуна изъ straum um — приблизительно около рѣки, признаетъ неудовлетворительнымъ „и мы не останавливаемся ни на томъ, ни на другомъ, предоставная разгадать загадку послѣдняго порога болѣе

счастливому отгадчику". Мы видѣли, насколько счастлива отгадка и другихъ пороговъ.

Струвунъ значитъ производитель струи, которая, по древне-русски, а нынѣ по-литовски, звалась и зовется *струве*. Струвунъ есть производитель струи, какъ Островунъ — производитель острова. Порогъ, производящій только струю, конечно, названъ малымъ порогомъ. Порогъ этотъ, производящій только волны, названъ пародомъ впослѣствіи „Вильнымъ". Названъ же онъ „Вильный" не отъ слова воля — свобода, какъ предполагалъ г. Миллеръ, а отъ древне-русскаго, а нынѣ литовскаго слова „вильнисъ" — волна. Столица Литвы, построенная на волнистой мѣстности, названа Вильно.

„Напрези" въ переводѣ съ бѣлорусскаго на рускій языкъ означаетъ: Напереди, т. е. порогъ, стоящій напереди, разумѣется, считая снизу. Звукъ *дз*, столь свойственный древне-русскому, а нынѣ бѣлорусскому, въ старину очень часто сокращался на одну изъ составныхъ буквъ: „на удержаніе *межю* (вмѣсто между) христіанъ и Русью бывшого любовь". „И сотвори Володимиръ *празникъ* великъ".

Итакъ выходитъ, что рускія названія днѣпровскихъ пороговъ, записанныя Константиномъ Багрянороднымъ около 950 года, суть дѣйствительно славяно-русскія, а не иноземныя.

Поддерживаютъ ли другія историческія имена и прозвища ученіе норманистовъ? Дѣй-

ствительно ли слово *варягъ* скандинавское, произведенное отъ скандинавскаго варингарь, какъ предполагалъ Костомаровъ? Слово варягъ есть словянское. Глаголъ *варити*—гнать, двигать, существуетъ въ полномъ ходу въ литовскомъ языкѣ, существовалъ, значить, и въ русскомъ, а нынѣ существуетъ только съ предлогомъ предъ: предварить, предварительно; въ церковно-словянскомъ онъ часто употреблялся: „и аbie понуди ученики своя внiti въ корабль и *варити* его на онъ полъ къ Вифсаидѣ donde же самъ отпустить народы“. (Марка 6, 45.) Отъ этого глагола въ литовскомъ языкѣ происходитъ существительное-дѣятель, съ характернымъ окончаніемъ *ис*—варисъ—двигатель, гонятель, пастухъ, охотникъ. Отъ этого же глагола произошло и название одного изъ племени Руси—Варяги, т. е. движущіе, гонящіе другія племена, словомъ народъ, находящійся постоянно въ движениі, народъ, метеоромъ налетающій на сосѣдей—народъ русъ—рухъ—движение. Поэтому въ латышскомъ языкѣ сохранилось значеніе для слова *варенс*—могучій.—Производство названія „Варяги“ отъ глагола „варити“ такое же, какъ бродяги отъ бродить, калбяги отъ калбэти.—Отъ этого же глагола варити во времена Ломоносова, когда онъ оснаривалъ Скандинавское происхожденіе Руси, и профессоръ Академіи Наукъ Тредьяковскій производилъ название Варяговъ, но у него ва-

рягъ значилъ предваритель, что не имѣть смысла. Такая ошибка у него произошла оттого, что онъ славянское слово варити переводилъ предварити, это все равно, что слово писать переводить предписать. Введенъ онъ былъ въ заблужденіе выноской въ евангеліи противъ слова „*варити*“ — „*предварити*“, принявъ ее, не какъ указаніе на то, что глаголъ варити сохранился въ русскомъ языкѣ съ предлогомъ *предъ*, но какъ значеніе этого глагола.

Нѣкоторые историки смѣшиваютъ Варяговъ съ Варангами — наемнымъ войскомъ у Византійскихъ Императоровъ: варанги, или „*варанки*“, получили свою кличу отъ слова „*варунки*“, что значитъ по-литовски и по-польски условія договора. Поэтому „Варанками“, т. е. наемниками, были люди всѣхъ возможныхъ націй, хотя главнѣйшими между ними были Варяги и Поляки; Варягами же было одно изъ племенъ Руси. — Слѣдовательно, всѣ ссылки норманистовъ на иностранныхъ писателей, что Варанги, наемная стража у Греческихъ императоровъ, были Шведы и Датчане, а въ другихъ случаяхъ и Англичане, не имѣютъ никакого значенія въ вопросѣ о происхожденіи Варяговъ.

Слово варягъ есть синонимъ слову русъ. Къ числу переходныхъ звуковъ слѣдуетъ отнести звукъ *x* въ протяжное *c*; такимъ образомъ у литовцевъ, а слѣд. и скіфовъ: аусисъ — оухо;

муся—муха, блуся—блоха, дусоти—дыхать, дышать, мусоти—махать, саусасъ—сухой; двасе—духъ, клаусити—слушать, слушать, виршасъ—верхъ (ибо с==ш), косюлисъ—кашель, и т. д. Господство звука *s* надъ *x* существовало не только въ глубокую старину, но и въ историческое время: „яко же при Володимирѣ Монамасъ“. А нынѣ бѣлорусъ уже часто говоритъ: „мядвецъ волохатый“. А потому имѣемъ тождество *x=c*. Слѣд., древне-русское „русь“ значитъ рухъ—движение. А потому слово „русскій“ значитъ подвижной, быстрый. Что и въ старину понимали такъ слово Русъ, доказывается тѣмъ, что греческіе писатели переводили название Руссовъ Дромитами, какъ Кривичей Аримаспами.—Что въ древне-русскомъ языкѣ существовалъ глаголь *рушити*, какъ нынѣ у поляковъ „рухать“, со значеніемъ двигать, доказывается лѣтописью Нестора, гдѣ этотъ глаголь употребляется именно съ этимъ значеніемъ: 1090 годъ: „И приспѣвшу празнику Успенія Богородицы треми деньми, повелѣ игуменъ *рушити*, гдѣ лежать мощи отца нашего Єодосія, его же повѣленію быхъ азъ первое самовидецъ, еже и скажу; не слухомъ бо слыхашъ, но самъ о семъ начальникъ“. Кениг. списокъ. Такъ какъ въ словѣ Руось существовалъ слитный звукъ, то онъ и до сихъ поръ распадается на чистыя гласныя Русъ и Росъ. Название действующаго лица имѣеть свойственное ему

окончаніе *исъ*, а потому человѣкъ, называемый отъ глагола русити, будетъ въ ед. числѣ Руси съ полнымъ окончаніемъ и Руссъ съ усѣченнымъ литовскимъ окончаніемъ, въ которомъ выпадаетъ только гласный звукъ. Множественное же число будетъ „Русти“ и „Руси“—Русскіе. Чтомн. число дѣйствительно было „Руси“, доказывается лѣтописью Нестора, Кен. с., договоръ Олега съ греками: „О работающихъ въ грекахъ Руси у христіянскаго царя“. Что въ этомъ мн. числѣ *и* сокращалось въ мягкой знакъ съ сохраненіемъ прежняго значенія, и что, при сокращеніи этомъ, слову Русь придавалось значеніе и страны, т. е. Россіи, доказывается слѣдующими выраженіями лѣтописи: „се идутъ Русь, и наняли суть Печенѣги“—вотъ идутъ Русскіе, и наняли Печенеговъ. „И да не имѣютъ Русь власти зимовать въ устьѣ Днѣпра; но егда приидетъ осень, да идутъ въ domы своя въ Русь“. „И рече Святославъ: есть нась двадцать тысячъ, прирече десять тысячъ: бѣ бо Руси десять тысячъ только“.

Безъ сомнѣнія, подвижной, воинственный образъ жизни и необыкновенная быстрота движений при нападеніи на непріятеля, о чмъ свидѣтельствуютъ греческие писатели, дали народу название Русь. Выводить название такого многочисленнаго народа, какъ Русь, отъ названія едвали существовавшой въ Скандинавіи провинціи Рослагена, какъ предполагаютъ норманисты,

или отъ названія нѣсколькихъ рѣкъ „русь“ или „рось“, очевидно, не возможно. Названія „русь“ или „рось“ рѣки могли получить отъ быстроты теченія; поэтому всякая, быстротекущая рѣка, могла называться росью, хотя каждая изъ нихъ имѣла свое название: Неманъ, Волга и т. д.. Но название руси или русны рѣка или заливъ могли получить и отъ другого существительного: „руси“ — яма, рытвина, происходящаго отъ глагола раусти — рыть, копать рвы; отсюда название ложа рѣки „русло“, потому что слово это въ глубокую старину было „руслость“, т. е. лохъ (логъ) руси, промытой водою.—Нельзя также название Руссы производить отъ Роксоланъ. Название Роксолане происходит отъ глагола „роксоти“ — торчать. Сарматы (сармати — стыдливые) вдались въ землю Руси, а потому въ этомъ мѣстѣ назывались Роксоланами. Извѣстно, что Руссы у Грековъ назывались Дромитами и Скифами, т. е. быстрыми и словянами. Когда Геродотъ, путешествуя по Скифіи, спрашивалъ народъ, кто они такие, Скифы отвѣчали, что они Сколоты, или Сакулаты. Этимъ они называли себя словянами, потому что синонимъ глаголу словити — говорить, есть глаголъ *сакити*, или въ многократномъ видѣ *сокоти*, въ какой формѣ онъ и до сихъ поръ существуетъ въ русскомъ областномъ языке. Отсюда название Сакиты, или сокращенно Скиты, а по гречески Скифы, т. е. словяне.

Название же сколоты, или сакулаты, есть синонимъ названію Скиты.—У латынянъ название словянъ саколавы сократилось въ склавы, т. е. въ рабовъ (*sclaves*). Этимъ искаженіемъ названія словянъ объясняется странный фактъ въ исторіи: образованіе цѣлыхъ колоній изъ рабовъ. Что дѣйствительно название Скифы происходитъ отъ глагола „сакити“, доказывается и тѣмъ, что у персовъ Скифы звались „Саки“. Кромѣ глаголовъ словити и сакити, есть еще другое глаголы, выражающіе то же самое, а потому части словянскаго племени, смотря по тому, какой они глаголь употребляли для выраженія „говорить“ и назывались: Словянами, Скитами, Готами—отъ глагола гуторить, или готовить, Утургутами—отъ уторить, Гутургурами—отъ гуторить, Гудами—отъ глагола „гадать“, выговариваемаго гудать—говорить; по этому литовцы до сихъ поръ зовутъ Гудами не только вообще словянъ и преимущественно русскихъ, но и своихъ литовцевъ, измѣняющихъ гласные; Буртасы—отъ буртоти—ворожить, Колбяги—отъ глагола колбэти—говорить; Болгары—отъ болагурить. Что Болгаринъ означаетъ говорунъ—болагуръ, доказываетъ название Балгарина „Билерисъ“ у Иланъ—Карпина и „Билерь“ у *Vinc de Beauvais*. Второе название есть усъченное первое. Название „Билерисъ“ происходитъ отъ литовскаго глагола „билёти“—говорить.

Принимая во внимание вышесказанное, легко понять выражение греческого писателя Синкела: „Скифы, которымъ на родномъ языке имя Готы“. Иорнадъ говоритъ, что Геты или Готы одно и тоже, а Феофилактъ, что Геты одно и то же, что и Славяне. Отчего бы не происходило название народа Готы, отъ глагола ли говорить или отъ слова „Гети“ — пастухи, вслѣдствіе перехода *e* въ *o*, название это не германское, потому уже, что слово Готъ у немцевъ означаетъ Богъ, и народъ не могъ бы называться Готами, если бы у него слово Готъ означало Богъ.

Кромѣ этихъ названій, Словяне, или Скифы, могли называться по роду занятій или по мѣсту жительства: такъ. *Гунами*, или *Варами*, назывался народъ, занимавшійся скотоводствомъ, отъ однозначущихъ глаголовъ „ганити“ или „варити“ въ смыслѣ пасти скотъ. Ихъ вождь „Атила“ въ переводѣ на новѣйшій русскій языкъ есть „Замолксистъ“ (атильти — замолчать).

Насущихъ овецъ (ависъ) звали Авюварей, или просто Аварей, т. е. овцегонами.

Словяне, жившіе по Алаунской горной возвышенности, получившей название отъ слова аласть — скала, камень, назывались Аланами. Народъ, на югѣ Россіи, ходившій почти нагимъ, прозвался русскими „Печенеги“, — название, образовавшееся изъ Печеноги, вслѣдствіе смѣшанія *e* съ *o*; а печеноги означаетъ плечеголые,

потому что по-литовски, а значитъ, и по древне-русски: печей (й скрадывающеся)—плечи, а ноги—нагіе—голыя. Обитатели безплодной земли, ляды, назывались Голядами.

Казари, можетъ быть, получившіе название отъ глагола казати—говорить (Казаки и Саки), для удержанія Варяговъ построили укрѣпленіе „Саркель“, что по-литовски значитъ стражъ пути, дороги: „сарга“—стражъ и келе—дорога. И здѣсь сокращеніе первого слова при соединеніи съ другимъ, подобно названію Дида Ладо—великая красота (диисъ—большой, великій во всѣхъ отношеніяхъ, диделасъ—большой, по росту—дылда). Дорога, или путь, имѣеть еще другое литовское название: вежа, поэтому укрѣпленіе это называлось и Бѣлой Вежой, т. е. бѣлой дорогой. „Ну швента Казимира вежа крипстъ“, со святаго Казимира (4 марта) дорога портится (кривится). До сихъ поръ притокъ Немана (не майна, не мѣняетъ направленія), на которомъ стоитъ городъ Поневежъ, называется Невежа, т. е. Непуть рѣка (*vigi*). Скифы на Таврическомъ полуостровѣ назывались Тавроскифами на томъ же основаніи, на какомъ зовется на Литвѣ мѣстечко Таврогинъ, или Таурогенъ. *Гинѣ*, или *genѣ*, есть производное отъ глагола *гинти*—оборонять, защищать (цер. с. жену—гоню) отгонять; гинтуве—крепость. Что жъ такое тауре или тавре? Этимъ словомъ литовецъ въ настоящее время называетъ кро-

веносную банку. Таврическій полуостровъ имѣетъ форму банки. Савроматовъ иногда смешиваются съ Сарматами: Саврематы, или Сляурематы значитъ узковидящіе, т. е. имѣющіе узкіе монгольскіе глаза. Сарматы же—стыдливые.

Всѣ же вообще словянскія племена назывались „отъ грекъ“ Великая Скифъ и Русь, а Руссы—Дромитами.—Кромѣ того словяне еще звались „Норицы“ и „Норсы“, что по-литовски, а значитъ, и по-скифски, означаетъ храбрые. Храбрыхъ часто называютъ—нарицаютъ, славятъ: Нарицы—славяне.

Славяно-русское происхожденіе призванныхъ князей, кромѣ свидѣтельства Нестора, что они были русскими, видно и изъ самыхъ прозваній ихъ: Рюрикъ, чисто словяно-литовское прозвище отъ начала до конца; происходит оно отъ слова рюра—труба, по-молоросски рюрка— трубка. О Синеусѣ, название которого норманисты считаютъ искаженнымъ, нечего и говорить: и по-литовски усасъ—усть. Труворъ есть усѣченное окончаніе Труварисъ, что значить охотникъ на туровъ. Прозвище это составлено точно такъ же, какъ и нынѣ употребляемыя у литовцевъ слова: кишкюварисъ, или зуйкюварисъ—охотникъ на зайцевъ. Труворъ есть такое же сокращеніе слова Туруворисъ, какъ Трулосъ, или Турлость, есть сокращеніе Турулосъ, т. е. туровъ лохъ, ибо x=c; такъ въ старину звалась долина Днѣстровъ, оттого, что

въ ней водились туры. По-белорусски лохъ, или логъ—долина. Подобные сокращения исторически известны, напр., Борусы (сохранившееся название прусаковъ у латинскихъ писателей,) т. е. въ борахъ, въ лѣсахъ, живущіе, превратилось въ Порусы—вслѣдствіе перехода б въ п. и сократилось въ Прусы—нынѣшнее народное и Несторовское название Прусаковъ.

Часть Борусовъ была литовцы. Такъ какъ боръ назывался и нынѣ называется у литовцевъ „гира“, то синонимъ слову Борусъ будетъ Ги-рулисъ. „Отче нашъ“ на гибульскомъ языкѣ, найденное въ XV столѣтіи, оказалось на литовскомъ языке. Гироманъ есть уже нѣмецъ—Германецъ (лѣсной человѣкъ) потому что манъ—нѣмецкій человѣкъ. Доказательствомъ производства паванія Германцевъ отъ *ириа*—лѣсъ, служитъ, между прочимъ, и ошибка одного греческаго писателя, смѣшавшаго название Германцевъ съ Древлянами. Прозвище сыну Рюрика „Игорь“, или „Ингорь“, могло быть дано потому, что онъ поселился въ горахъ кіевскихъ: *и*, или *и и*—*и г*, есть предлогъ литовскій, означающій *въ*. Прозвище „Олехъ“ могъ получить, отъ ольхъ; на Литвѣ есть много фамилій Олехновичей. Аскольдъ могъ называться отъ глагола „скальдити“—колоть, отдѣлять: осколокъ—продуктъ отдѣленія, а Аскольдъ—отдѣляющій. Прозвище посла Акунъ можетъ происходить отъ акисъ—око, и значить—глазастый.

Имена пословъ въ договорѣ съ Греками почти всеъ русскія, въ большинствѣ случаевъ оканчиваются на *овъ*, т. е. съ иностраннымъ правописаніемъ на оффъ; нѣкоторыя литовскія. На нихъ я не буду останавливаться.

Посмотримъ, насколько лѣтопись Нестора поддерживаетъ ученіе норманистовъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси. Нестора первоначально переводили на современный русскій языкъ не русскіе, а нѣмцы, которые выраженіемъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придали ошибочный смыслъ. И не одни нѣмецкіе ученые, но и многіе русскіе иногда неправильно переводятъ Нестора. Такъ приходится читать толкованіе выраженія лѣтописи: „наченшу Михаилу царствовать и начаша Русская земля прозыватися, тѣмъ отселе почнемъ и числа положимъ“ будто только со времени царствованія Михаила начала Великая Скифъ называться Русскою землею и прочее, отсюда проистекающее, а между тѣмъ выраженіе это значитъ, что только съ начала царствованія Михаила стала часто упоминаться въ исторіи Русская земля, а потому лѣтописецъ съ этого времени начинаетъ и числа полагаетъ. Не правильно переводить и выраженіе Нестора: „идоша заморе къ Варягомъ, къ Руси; сице бо ся зваху тыи Варази Русь, яко се друзіе зовутся Свое, друзіе же Урмане, Англяне, друзіе Гъте, тако и си“ будто пошли за море (т. е. за Балтійское) къ Варягамъ, къ Русскимъ;

ибо такъ звались эти Варяги Русью, какъ другіе Варяги звались Шведами, другіе (Варяги) Германцами, Англичанами другіе Готами, такъ и эти; — или выраженіе: „Отъ тѣхъ прозвася русская земля Наугородци“ они переводять отъ этихъ, т. е. Варяго-Руссовъ, Новгородцы получили название Русской Земли. По такому пониманію языка Нестровой лѣтописи изъ выраженія „и суть грады ихъ и до сего дни, и звахусь отъ Грекъ великая Скифъ“ нужно название „Скифъ“ производить отъ слова „Грекъ“... По моему пониманію сказаніе о призваніи князя: „Рѣша сами въ собѣ“: „поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“. Идоша заморе къ Варягомъ, къ Руси; сице бо ся зваху тыи Варизи Русь, яко се друзіе зовутся Свое, другіе же Урмане, Англяне, друзіе Гѣте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь Словени и Кривичи: „вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣть, да поидете княжить и володѣть нами“. „И избралася три братья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и придоша. Старѣйшій-Рюрикъ сидѣлъ въ Новѣградѣ, а другой-Синеусъ на Бѣлѣ-озерѣ, а третій Изборстѣ Труворъ“. „Отъ тѣхъ прозвася Русская Земля Новугородци: тыи суть люди Наугородци отъ рода Варяжска, прежде о бѣша Словени“ слѣдуетъ переводить: говорили между собою: поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по правдѣ. Пошли

въ заморіе къ Варягамъ, къ Русскимъ, ибо такъ звались, т. е. („та и“ по-латовски-т. е.) Варяги Русскими какъ, напримѣръ, (вотъ) другіе (народы) зовутся Шведами, Германцами, (т. е. жителями краснаго лѣса) Англичанами, другіе Готами, такъ и эти. Говорили Русскіе, Чюдь, Словяне и Кривичи: „вся земля наша велика и обильна, а правительства у насъ нѣтъ—приходите княжить и владить нами“. И собрались три брата (хотя избрали одного князя, но не разлучатся же ему съ родными братьями, дружно живущими) съ родными своими, приняли подъ свою власть всю Русскую землю, и пришли: Старѣйший (можетъ быть,—по избранію) поселился въ Новгородѣ, второй—Синеусъ въ Бѣлозерскѣ, а третій—Труворъ въ Изборскѣ. Этими названа Русская земля „Новгородцы“, новгородцы же народъ Варяжскаго племени, ибо были прежде Словянами.—Слѣдовательно, Варяги по сказанію Нестора, одного племени съ Новгородцами—Словянами. Слѣдовательно, Варяги были Словянами. И намека въ этомъ сказаніи нѣть о призваніи иноземцевъ. Избранный князь съ братьями согласился принять подъ свою власть всю Русь, и пришелъ. Слѣдовательно, до призванія Великаго князя Рюрика, страна, призвавшая его, называлась уже Русью вообще, хотя и раздѣлялась въ то время на отдельныя племена: собственно Русскихъ, т. е. Полянъ Кіевскихъ, Варяговъ, Кривичей, Чюдь,

Словянъ Новгородскихъ, Древлянъ и другихъ. Поэтому князю, избранному главнейшими племенами Руси, не нужно было ни покорять себѣ „всю Русь“, ни брать съ собою всѣхъ Руссовъ, какъ толкуютъ некоторые историки. Какъ поразительно сходно выраженіе Нестора: „пояша по собѣ всю Рѹсь“ съ выраженіемъ литовскаго народа, услышаннымъ мною по случаю раздѣла имѣнія: „декуй понуй, кадъ пайме мумсъ по сави“—дякуй пану, что взялъ насъ по собѣ, т. е. подъ свою власть.

Выраженіе „идоша заморе къ Варягомъ, къ Руси“ давало и даетъ, по видимому, прочное основаніе норманистамъ выводить князей изъ-за моря Варяжскаго, т. е. изъ Скандинавіи, и заставляетъ многихъ вѣрить имъ. Чтобы уяснить себѣ происхожденіе постоянно повторяющагося выраженія: „идоша за море“, слѣдуетъ Балтійское поморіе, взморье, а первоначально моріе, относительно всей Руси, приравнять къ „пазухѣ“ отдельного человѣка. И какъ мозгъ этого человѣка, нуждающагося въ подкрепленіи силъ, посыпалъ и до сихъ поръ посыпаетъ руку *за пазуху* за коркой хлѣба, такъ и Великій Князь всей Руси посыпалъ гонцовъ *за море* по Варяги. „Варязи, приходаще изъ замория“—это—корка хлѣба, вынутая *изъ запазухи*; а хотя нынѣ и говорятъ: человѣкъ лѣзетъ *въ* пазуху земную за каменнымъ углемъ, но говорили и до сихъ поръ

говорять: „за отвѣтомъ запазужу онъ не полѣзеть“. Что лѣтописецъ выраженіе „заморе“ понималъ не въ смыслѣ перемѣщенія за море, а въ смыслѣ страны, видно изъ слѣдующаго выраженія его: „въ лѣто 859 имаху дань Варяги *изъ заморья* на Чюди и на Словенехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичехъ, а Казари имаху на Полянехъ и на Сѣверехъ и на Витичехъ имаху по бѣлый веверицѣ отъ дыма.“ Въ Кенигсбер. спискѣ иначе выражено: „въ лѣто 859 имаху дань Варяги *изъ заморія въ Чюди* на Словенехъ“ и пр.

Если кто говоритъ, что этотъ человѣкъ изъ Крыма, то подъ Крымомъ онъ подразумѣваетъ ту страну, въ которой жилъ этотъ человѣкъ до прихода въ чужую, слѣд. *заморіе* есть страна, въ которой жили Варяги. Нѣкоторымъ кажется страннымъ избраніе князей изъ племени, которому избиратели платили дань и которому передъ тѣмъ отказали въ платежѣ дани, прогнавъ сборщиковъ; но странность эта устраняется сама собою, если примемъ, что подъ данью слѣдуетъ разумѣть тѣ сборы, которые должны платить всѣ подданные для общихъ нуждъ. Если этому племени избиратели платили подать, то оно было господствующимъ и въ немъ были болѣе опытные и способные люди, а потому изъ нихъ и избрали другіе племена себѣ князя съ условіемъ перехода съ окраины въ центръ Руси, сначала въ Новгородъ,

а затѣмъ въ Кіевъ. Изъ лѣтописи видно, что *данъ* Руси платили и племена чисто русскія, какъ напр., Древляне. Поэтому нѣть основанія считать призваніе изъ Варяговъ одного верховнаго князя, который не пожелалъ разлучаться съ двумя родными братьями, сказкой, подобной разсказу ладожанина Нестору о паденіи съ неба бѣлокъ.—Кто прочтеть мое „Новое объясненіе грозы“, тотъ и разсказъ о паденіи бѣлокъ съ неба не будетъ считать сказкой, если подъ небомъ будетъ разумѣть не междузвѣздное пространство, а атмосферу надъ головой.

Наконецъ, описание границы, гдѣ жили Варяги, показываетъ, что Несторъ заморіе не считалъ перемѣщеніемъ за море. „Къ тому же Варяжскому морю присѣдѣть Ляхове и Пруси и Чюдь“. „По сему же морю сидѣть Варязи къ западу до земли *Аенянски* и до *Волошьски*“. „По сему морю сидѣть Варязи сѣмо къ вѣстоку до предѣла Симова“. Кто были *аиняне*, съ которыми съ запада граничили Варяги? Норманисты говорятъ, что самое название показываетъ, что съ запада границей Варяговъ была Англія, хотя ихъ и смущаетъ то обстоятельство, что Англичанъ они считаютъ Варягами, но „это не относится къ сущности дѣла, показывая только небольшую неосмотрительность“. Погодинъ—„Происхожденіе Руси“. А о томъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ эта аянская земля замѣнена *Агаранской* и упоми-

нать не стоитъ (тамъ же). Но Несторъ Англичанъ называетъ *Англянами*, или Инглянами, а на западъ отъ Варягъ была земля *агнянъ*. Дѣйствительно ли *агняне* суть *англии*? Название народа Ляхове произошло отъ названія лѣса, въ которомъ пародъ жилъ, лясомъ на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, ибо х=с. Часть Ляховъ, примыкавшая къ Варягамъ, начала вырубать и выжигать лѣса, *оголять* свою землю и жить на пасѣкахъ, въ поляхъ, отчего она получила название Поляковъ, которые такимъ образомъ были и *агняне*, и *агаране*, *Палеи*, *Спалеи*, а въ Акимовской лѣтописи *гаране*, а земля ихъ звалась *агнянской*, *агаранской*, и *аглянской* (оголить), но не звалась *английской* или *инлянской*. Что агаранинъ есть сжигатель, видно изъ того, что Татары въ лѣтописи названы агаранами въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, какъ они сжигали русскіе города. Слѣд., съ запада Варяги имѣли сосѣдей Поляковъ. Что поляки именно былисосѣдами Варяговъ, видно и изъ названія, даннаго Варягами Полякамъ: ленки, лонки или ланки, подъ которымъ они и до сихъ поръ слывутъ у литовцевъ. Слово это происходитъ отъ литовскаго глагола „*ленкти*“—примыкать, пригибать, прилучать, а у поляковъ ленчить, лончить—примыкать. Что поляковъ Варяги назвали ленками не со времени соединенія Литвы съ Польшей, а въ сѣдую старину, доказывается упоминаніемъ Констан-

тина Багрянароднаго рядомъ съ Кривитайнами (кривичами) и Ленкзайновъ, т. е. ленковъ.

Но чья земля у Нестора названа „Волошь-ски“? Такъ какъ х=с=ш, то Волошьская земля будетъ землей Волоховъ. Кто же эти Волохи? „Афетово бо кольно и то Варязи, Свеурма Нихти Русь Агляне Галичане Ляхове Волоси Римляне Нѣмцы Корлязи Венедици Фраги и прочии“ Соф. спис. Здѣсь Волоси, а по другимъ спискамъ и по тому же въ другомъ мѣстѣ—Волохи или Волохове, помѣщенные рядомъ съ Ляхове, упоминаются какъ отдаленный народъ между Римлянами, Французами и Венециами, а потому Волошьская земля не можетъ быть ни Италіей, какъ предполагалъ Карамзинъ, ни Франціей, какъ толкуютъ норманисты, желая, во что бы ни стало, сдѣлать родиной Варяговъ Скандиновскій полуостровъ. Карамзинъ имѣлъ основаніе предполагать подъ Волошьской землей Италію, потому что у Поляковъ Римляне зовутся и Итальянцами и Влохами. „Идоша Оугри мимо Кіева горою.....оустремишася черезъ горы великия и почаша воевати на жиоущая ту Волхи и Словѣни. Сидяху бо ту прежде Словѣни, и Волхове прияша землю Словенську и сѣдоша съ Словѣни, покоривше я подъ ся“. Слѣд., кромѣ Влоховъ Италіи, были еще въ Россіи другіе Волохи не далеко отъ Кіева. Что это за народъ и отчего происходить его название? Очевидно, названія Влохи,

Волохи и Валахи, происходятъ отъ одного и того же слова, различно произносимаго поляками, русскими и другими словянами. Это слово есть волосъ по-русски, „влосъ“ по-польски и „власъ“ по-славянски. Какъ отъ слова „лясь“ происходитъ „Ляхъ“, такъ и отъ слова волосъ происходитъ Волохъ. Что Несторъ подъ словомъ Волохи разумѣлъ народъ, получившій свое название отъ волосъ, можно заключить изъ того, что онъ бога Волоса объяснялъ „скотій богъ“, тогда какъ Волосъ есть переходная форма отъ Велесь, а велесь есть словянское Велій или Болій со скіфскимъ, или литовскимъ окончаніемъ, а потому Волосъ значитъ *Всевышній* и Русскіе клялись значитъ Творцемъ и Всеышнимъ, а не богомъ молніи и скотимъ богомъ или (для считающихъ *скотъ*—деньги, а *скотница*—казначейство) денежнымъ богомъ. Кто же могъ не далеко Кіева называться „Волоси“, или „Волохи“?

Какой народъ обращаетъ на себя вниманіе своими волосами, или по-бѣлорусски волохами? Выходитъ, что Малороссы, называемые нынѣ хохлами за свои характерные чубы, въ старину звались Волохами. Но, вѣроятнѣе земля „Волошь-ски“ есть земля волокъ, гдѣ жили Кривичи.

Итакъ оказывается, по лѣтописи Нестора, что Варяги жили въ заморы, находившемся по ту же сторону Балтійскаго моря, гдѣ была и Чюдь, гранича съ запада польской землей,

далѣе землей Кривичей, а къ востоку удѣломъ Сыма. Вотъ почему изъ страны Полянъ „бѣ путь въ Варяги по Двинѣ“. Вотъ почему, посылая постоянно заморе за Варягами, не нужно было заботиться о корабляхъ для переправы Варяговъ изъ Скандинавіи и обратно чрезъ бурное Варяжское море, прозванное литовцами Балтійскимъ, т. е. бѣлымъ, отъ бѣлѣющихъ на солнцѣ гребней волнъ. Вотъ почему ладьи Варяговъ, терпя крушениe отъ бури на Черномъ морѣ при осадѣ Царьграда, прозванного ими Миглогардомъ, т. е. Туманъ городомъ, ни разу, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, не потерпѣли крушения на Балтійскомъ, идя изъ-за моря по призыву Великихъ Князей всел Руси. Вотъ почему на Руси нѣтъ никакихъ слѣдовъ отъ скандинавовъ.

Кто же были Варяги? Что они были Рускими, это мы знаемъ изъ выраженія Нестора: „идоша заморе къ Варягомъ, къ Руси“. Что Русскіе были словянами, а не скандинавами, это мы заключаемъ изъ выраженія: „А словѣнскъ языкъ и Рускій одно есть: отъ Варягъ бо прозвашась Русью, а первое бѣша словене“. Кениг. с. 23. Что Варяги были словянами, доказывается и тѣмъ, что при Игорѣ они съ остальными словянами Руси ходили въ соборную церковь Св. Ильи въ Кіевѣ: „яже есть надъ ручаемъ, конецъ постниччи бѣсѣды въ Казарехъ се бо бѣ соборная церковь“. „Мнози

бо бѣша Варязи хрестьяне“. Въ церкви этой раздавалось пѣніе Божественной Литургіи Іоанна Златоуста на словянскомъ языке въ переводѣ съ греческаго Кирилломъ и Меѳодіемъ, святыми, чтимыми всѣми христіанами. „Вы же чада Божья“, объявилъ папа Римскій, услыхавъ споръ о пристойности совершать богослуженіе на иномъ языке, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго, „послушайте ученія и не отринете наказанія церковнаго, яко же вы наказалъ Меѳодій, учитель вашъ“. „Да аще кто хулитъ словенскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкви, donde же ся исправить“ Кениг. сп. стр. 22.

Но кто же были Варяги въ болѣе тѣсномъ, въ племенномъ отношеніи? Судя по прозвищамъ призванныхъ князей—литовцы; по мѣстожительству—литовцы; по названию князя Свято-слава „Сфендославъ“—литовцы; по названию Кieва „Замватаасъ“—литовцы; по названию церкви „бажничи“: „въ 1217 году въ Новогородѣ, въ Варязьской *бажничи* изгоре товаръ весь безъ числа“—литовцы; по Никоновской лѣтописи, подъ 1379 г. „князь Ягайлло литовскій совокупилъ много и Варягъ и Жемоти и прочее и поиде на помощь Мамаю царю“—литовцы, ибо были подданными литовскаго князя Ягайлы. По названию бѣлки веверицей — литовцы. Несторъ говоритъ, что и Новгородцы были варяжского рода, и мы видимъ у нихъ: озеро,

называемое Ладожскимъ, поля „съмо къ въстоку“—Ладейныя отъ литовского слова ладасъ—ледъ. По Русской Правдѣ Ярослава Великаго Варяги были литовцы: „оже будетъ (убить) Варягъ, или Колбягъ, то полная видока вывести и идета на роту“. Если Варягъ назывался Колбягомъ, то здѣсь такая полная очевидность выводится, что можно идти на присягу (роту), что Варяги были литовцы. Ясно, что только то племя Руси можетъ называться Колбягами, у которого есть глаголъ „колбэти“ или „калбэти“—говорить. А такъ какъ этотъ глаголъ существуетъ только у литовцевъ—значить литовцы звались Варягами.—Войдя въ классъ одного изъ нынѣшнихъ учебныхъ заведеній на Литвѣ, въ классъ, въ которомъ есть русские, бѣлоруссы и литовцы, скажите: Колбяги встаньте, и встанутъ всѣ литовцы, въ чемъ я лично убѣдился.—Нигдѣ нѣтъ такой смѣси племенъ, какъ въ войскахъ, и здѣсь можно услышать кличу Колбягъ, Сакитъ, Сакъ, даваемую русскими солдатами литовцамъ по тому же умственному строю рода человѣческаго, по которому Литовцевъ, или Варяговъ, во времена Ярослава называли Колбягами, а во времена Геродота—Сакитами, Скитами, или отъ „Грекъ“—Скифами, т. е. Словянами, народъ, употреблявшій глаголъ сакити—говорить.

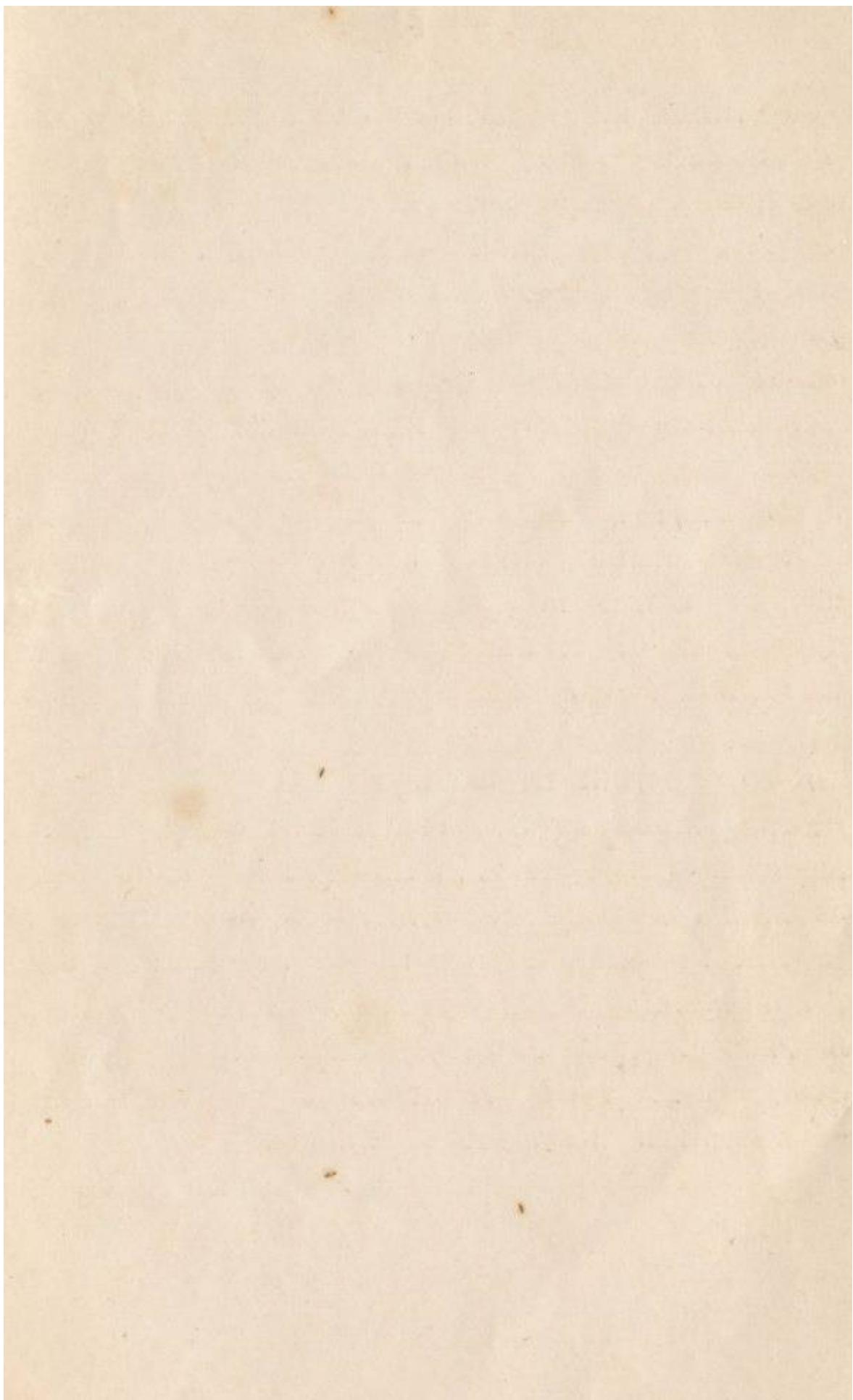
Итакъ первый самодержавный Великій Князь всея Руси Рюрикъ избранъ былъ народ-

нымъ совѣтомъ изъ русскаго племени, которое нынѣ зовется Литовцами.—Изъ этой же окраины Руси, т. е. изъ Литвы, вышелъ и родоначальникъ бояръ Романовыхъ Андрей Кобыла, известный мнѣ изъ семейнаго преданія подъ названіемъ Андрей Кобила, или Конбила и Камбила. Название это произошло отъ часто повторявшагося вопроса на радахъ (совѣтахъ) и сеймахъ (съэйимасъ—сходъ): „О Индреистъ ко била?“—А Андрей что говорить? Такъ какъ *ко*, или *ка*,—что есть винительный падежъ, въ которомъ употреблялось и нынѣ иногда употребляется юсовое *и*, или *и*, то прозвище Кобила иногда выговаривалось Конбила, или Камбила.

Хотя страна Варяговъ и называлась съ давнихъ временъ Литвою отъ слова литуасъ—дождь, который тамъ бываетъ не только лѣтомъ, но и зимой, но жители ея не назывались, какъ и до сихъ поръ почти не называются литовцами: они звали и зовутъ себя: „жемайчай“, а въ старину звались Варягами, Русью, а „отъ Грекъ“—дромитами, т. е. быстрыми.—Вотъ почему имя Литовца до XI вѣка и не встречается въ исторіи. Варяги, относительно остальной массы населенія, составлявшаго Русь, жили сѣвернѣе, а потому они должны были называться сѣверянами, какъ часть нынѣшней Литвы зовется Жмудью отъ названія народа „жемайчай“, что значитъ сѣверяне, потому

что по-литовски „жема“—зима и съверъ тоже. Переводъ слова „жемайтись“,—приземистый, низкорослый, или что-то въ родѣ Нидерланда, не вѣренъ и основывается на ошибкѣ отъ смѣшнія слова „жаме“—земля со словомъ жема—зима или съверъ. Названіе Съверянъ по-немецки будетъ Нордманы, или по-славянскому и французскому произношенію—Норманы. Слѣд. Варяги могли зваться сосѣдними народами и Норманами, но они не были Скандинавами, а были однимъ изъ многихъ племенъ Руси, быть можетъ, основавшемъ во Франціи провинцію Нормандію и Русильонъ, на что указываютъ—название морского пригона *varech* и выраженіе при раздѣлѣ земли Роланомъ въ Нормандіи: „*pratis duodecim worpa*“, что по-литовски значитъ привыкать, дадимся къ колосу. Получающимъ землю и привыкшимъ къ мечу приходится привыкать къ колосу, т. е. къ земледѣлію. Занимаясь рыбной ловлей и торговлей ятаремъ съ береговыми жителями западной Европы, на морѣ бурномъ—Балтійскомъ силы литовецъ развилъ, на морѣ же Черномъ—Понтійскомъ съ Русскимъ онъ славу нажилъ.

З. А. Ляцкій.

A453

621842

Lietuvos nacionalinė
M. Mažvydo biblioteka

000537991